

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С. В. Одяков

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению социальной структуры современного российского общества. Обобщив факторы стратификации российского общества, автор выявляет основные типы методологических подходов к анализу классовых структур: «одноступенчатый» и «многоступенчатый» анализ. В качестве одной из версий «одноступенчатого» подхода представлена модель стратификации российского общества по критерию уровня жизни. Автор приходит к выводу, что и сейчас еще российское общество остается обществом «смещенных вниз» социальных позиций, а депривация в области базовых потребностей в той или иной степени затрагивает значительную часть населения.

Ключевые слова: социальная структура, социальное неравенство, факторы стратификации, классовые подходы, уровень жизни, депривация, социальные слои/классы.

Наличие большого числа факторов, влияющих на социальное неравенство, приводит к значительной теоретической сложности, многообразию теоретических и методологических подходов к изучению социальной структуры. Сложность изучения данного феномена обусловлена еще и тем, что в процессе трансформации общества, как правило, происходят тектонические сдвиги как в самой социальной структуре, т. е. составе основных классов и слоев, так и в структуре факторов стратификации. Кроме того, подходы, существующие в западной социологии, не всегда применимы к изучению российских реалий из-за цивилизационных особенностей развития. Эти и другие обстоятельства актуализируют задачу систематизации теоретико-методологических подходов к исследованию социальной структуры и стратификации, выделения тех из них, которые наиболее адекватно, внутренне непротиворечиво объясняют причины устойчивого неравенства между социальными группами в современном российском обществе.

Основные положения теории социальной стратификации российского общества, а также анализ результатов эмпирических исследований представлены в работах Ю. В. Арутюняна, Л. А. Беляевой, Л. А. Гордона, З. Т. Голенковой, Т. И. Заславской, Е. Д. Игитханян, В. И. Ильина, Л. Г. Ионина, Э. В. Клопова, Н. И. Лапина, А. К. Назимовой, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной, М. Ф. Черныша, О. И. Шкаратана и ряда других социологов.

Говоря о социальной структуре современного российского общества, следует прежде всего сказать о работах Т. И. Заславской, долгие годы входившей в число крупнейших российских специалистов по проблемам социальной структуры.

Т. И. Заславская предложила схему деления советского общества на рубеже 1980—1990-х гг. на 78 групп, выделенных в результате исследования порождающих социальное неравенство экономических отношений. На первом месте среди этих отношений оказался профессионально-должностной статус (кем работал человек), значимость которого велика в стратификационных процессах во всем мире.

Второе место занимала социально-трудовая структура (где работал человек). Эта особенность социальной структуры была специфична для СССР, где условия жизнедеятельности трудовых коллективов в различных отраслях и ведомствах были резко дифференцированы. Третье место заняла семейно-хозяйственная структура, стягивающая на себя основную массу различий между группами в потребительской сфере.

Ненамного отставала от нее и социально-территориальная подструктура, специфика которой заключалась в том, что она сильнее всех остальных была связана с другими подструктурами. Таким образом, на нее как бы проецировались различия, рождающиеся в других подструктурах [3].

В публикациях начала 1990-х гг., укрупнив в соответствии с полученными критериями значимости проведенную группировку общества, Т. И. Заславская стала выделять 4 основных группы, составлявшие, по ее оценке, реальную социальную структуру советского общества в предреформенный период: 1) правящий класс («номенклатуру»); 2) сравнительно небольшой средний класс, включавший директорский корпус и часть интеллигенции; 3) низший класс «наемных работников» (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации), в который она включила большинство населения страны и который впоследствии совершенно справедливо начала называть базовым классом (в традициях современной западной социологии ему примерно соответствует нижний средний класс); 4) «социальное дно». Причем должностное положение в этой системе стратификации доминировало над квалификационно-профессиональным, а ведомственная принадлежность места работы — над интеллектуальным содержанием труда [4].

В дальнейшем Т. И. Заславская, основываясь на эмпирических данных, предложила следующую интерпретацию социальной структуры, сложившейся на рубеже 1990—2000-х гг. в результате серьезных трансформационных преобразований. Подчеркивая все еще трансформационный характер в то время структуры российского общества, она выделила две

модели социальной структуры, точнее — ее вертикальную проекцию и горизонтальную проекцию. Для первой из них характерен раскол «верхов» и «низов», но, как подчеркивала Т. И. Заславская, противоречие их социально-экономических интересов носило в начале 2000-х гг. еще латентный характер, практически не выходя на политический уровень.

В рамках горизонтальной проекции социальной структуры она акцентировала внимание на культурно-политической дифференциации социальных акторов, обусловленной не их местом на иерархической шкале статусов, а культурными установками, взглядами, убеждениями, в свою очередь зависящими от социального происхождения, условий социализации, типа социальной среды, принадлежности к той или иной субкультуре. Совмещение вертикального и горизонтального расходов к стратификации, то есть совместное рассмотрение обеих проекций, позволило ей предложить объемную модель трансформирующейся социальной структуры российского общества, где акторы трансформации представляли бы не как монолитные целостности, а как культурно-политические общности, разные элементы которых занимают неодинаковое положение в обществе, располагают разным объемом ресурсов, различаются своими социально-экономическими интересами и типами трансформационной активности [2].

О. И. Шкаратан в своей работе «Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России», исследуя социальную структуру современной России, обращает внимание на ее дуализм. Исследования реальных социальных групп, проведенные под руководством О. И. Шкаратана, показали, что как в далеком, так и в недавнем (советском) прошлом в современной России определяющей является сословно-слоевая стратификационная иерархия. Но поскольку рыночные отношения, пусть и в ослабленном и деформированном виде, все же существуют и воздействуют на всю систему социальных отношений, то существует и социальная градация населения и его распределение по нишам на рынке труда. В результате образуются функционально расчлененные группы, размещенные по классовым (или скорее псевдоклассовым) позициям, а также социально-потребительские группы, размещенные по шкале «богатство — бедность». Поэтому есть все основания изучать те срезы, те аспекты социальной структуры современного российского общества, в которых отражаются эти закладываемые рыночными отношениями социально-производственная и потребительская дифференциации, в рамки которых органично вписываются, например, и средние слои/классы [7, с. 19].

Именно в этом ключе анализирует социальную структуру современной России Н. Е. Тихонова, используя как «одноступенчатые», так и «многоступенчатые» классовые подходы.

Данная типологизация теоретических подходов к стратификации была предложена крупнейшим специалистом в этой области, патриархом исследований социальной структуры — Эриком О. Райтом, который объединил все многообразие подходов к классовому анализу в три основные логические модели и сформу-

лировал особенности каждой из них. Так, при одноступенчатом классовом анализе классы выделяются в рамках вертикальной стратификации социальных статусов основываясь просто на жизненных шансах их членов в сфере потребления, т. е. на их благосостоянии. Этот подход, характерный для обыденного сознания, используется и в науке, хотя «снимает» только верхний, самый поверхностный слой информации о классовой структуре общества. Тем не менее он достаточно широко применяется в прикладных социологических исследованиях, а в маркетинге вообще выступает основным. При его применении шкала статусов вытянута от бедности к богатству, а основным типом конфликтов между классами будет конфликт между богатыми, средними слоями и бедными по поводу распределения доходов.

Веберинский классовый анализ, как и марксистский, идет, в отличие от этого подхода, к причинам разницы благосостояния отдельных классов, а именно к месту классов в системе экономических отношений, определяемых особенностями принадлежащих им активов (собственности на те или иные средства производства). Причем эта собственность в современном обществе может быть разных видов: финансовый или промышленный капитал, человеческий капитал или бренд, простая физическая способность к труду или особая запатентованная технология управления и т. д. В этом случае неравные жизненные шансы существуют уже не в «безвоздушном пространстве», а вытекают из места человека в системе экономических отношений, обусловленного как спецификой принадлежащих ему активов, так и ситуацией на рынках соответствующих активов.

Наконец, марксистский подход к выделению классов, который Райт рассматривает как наиболее глубокий в методологическом отношении, учитывает не только место человека в «рыночной стихии», но и место его в системе отношений на конкретном предприятии или в организации. Это место также определяется особенностями принадлежащих человеку активов, но применение марксистской модели многоступенчатого классового анализа предполагает гораздо более широкий спектр рассмотрения присущих разным классам характеристик — от определения применительно к ним, эксплуатируемые или эксплуатирующими классами они являются, до степени автономности труда, отражающей степень их отчуждения в процессе труда.

В рамках «одноступенчатого» классового подхода, основанного на неравенстве жизненных шансов в сфере потребления вследствие разного уровня благосостояния, возможно применение так называемого градационного подхода, с точки зрения которого социальное пространство рассматривается как единый континуум, где вертикально ранжированные социальные статусы, объединяющиеся в моделях стратификации в группы позиций, плавно переходят один в другой. Популярной разновидностью градационных подходов выступает и шкала «бедность — богатство», на которой, также в некоем едином социальном континууме, располагаются, плавно переходя друг в друга, слои/классы, различающиеся уровнем благосостояния [6, с. 94—98].

Исходя из этого, строится модель стратификации по критерию уровня жизни. К проблеме изучения качества и уровня жизни населения мы уже обращались выше [5], причем, в основном с точки зрения критериев и показателей, разработанных в рамках экономической науки и используемых официальными органами государственной статистики. В качестве основного критерия в ней используются либо уровень дохода, либо имеющееся имущество, либо уровень жизни в целом. Все эти варианты позволяют решать не только теоретические, но и практические задачи, в частности — задачи государственного управления. Следует отметить, что используемый Н. Е. Тихоновой индекс уровня жизни (ИУЖ) строится на основе суммирования показателей шкал материальной депривации и благосостояния и включает в себя практически те же позиции, однако при получении данной информации используются несколько иные методы (в основном опросы, а не статистические наблюдения, как в экономике).

При построении индекса уровня жизни следует учитывать, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Причем реализация различных стилей жизни (которые активно формируются в современной России) ведет к тому, что среди той части населения, которая не испытывает реальной депривации, признаки благосостояния должны включать не только имущество, но и услуги, поскольку среди находящихся на одной и той же ступени материального благосостояния россиян одна их часть будет конвертировать свои ресурсы в компоненты предметно-вещной составляющей материального благосостояния, а другая часть будет направлять их на потребление определенного типа услуг, социальное участие, досуг и отдых.

Соответственно, при расчете индекса используются такие группы показателей, как:

- 1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации;
- 2) имущественная обеспеченность;
- 3) наличие недвижимости;
- 4) качество жилищных условий;
- 5) наличие сбережений;
- 6) использование платных социальных услуг;
- 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами [6, с. 104—105].

Использование для построения модели стратификации российского общества ИУЖ, учитывающего как признаки благосостояния, так и признаки депривации, причем как в отношении приобретения товаров, так и использования различного рода услуг, показало, что модель стратификации российского общества по уровню жизни за десять лет (2003—2013) изменилась достаточно сильно. Доля структурных позиций, относящихся к нижним слоям населения, сократилась в нем за это время в разы, а относящихся к верхним слоям — слегка выросла. Тем не менее, и сейчас еще российское общество остается обществом «смещенных вниз» социальных позиций, а депривация в области базовых потребностей в той или иной степени затрагивает две трети россиян до 55 лет включительно и более 80% населения в целом.

В целом при использовании одноступенчатого классового подхода без учета элитных и субэлитных слоев населения можно выделить 5 основных слоев/классов российского общества, объединяющих 10 страт. Это: бедствующие (7% россиян до 55 лет включительно и 8—9% населения в целом), малообеспеченные (48% и чуть более половины населения соответственно) 18, среднеобеспеченные (23% и 21% соответственно), обеспеченные (19% и 15%) и высокообеспеченные (3% и 1%) [6, с. 115—116].

В дальнейшем, проанализировав социальную структуру российского общества сквозь призму «многоступенчатых» классовых подходов, а также ресурсного подхода, который, по мнению Н. Е. Тихоновой, можно рассматривать как новую теоретическую парадигму стратификационных исследований, автор приходит к выводу, что пропорция распределения россиян в рамках вертикальной иерархии статусов, хотя и по разным критериям, огрубленно выглядит как 60—40%, где 40% соответствуют относительно высокоресурсной группе, имеющей возможность занять благоприятные структурные позиции и получать в силу этого сравнительно высокий доход, иметь благополучные по российским меркам условия жизни, а главное — характеризоваться положительной динамикой положения и хорошими жизненными шансами во всех областях. При этом 60% составляет остальное население России, «отрыв» которого от верхних 40% по всем параметрам постепенно возрастает, хотя в абсолютном выражении его доходы могут расти, а положение улучшаться [6, с. 332].

Таким образом, углубление социальной дифференциации и формирование новой структуры социальных позиций в ходе реформ 1990-х гг. действительно предопределило для многих россиян изменение их места в обществе. Важно понимать, что по краям имущественной дифференциации происходит закрепление, или консервация социальных контрастов. Так, доля бедных в современной России составляет, по оценкам экспертов [1], в настоящее время от 25 до 40% в зависимости от того, на какую методологию при их выделении ориентироваться. При этом за чертой бедности оказались не только одинокие пенсионеры, инвалиды, алкоголики, но и работающие россияне. Следовательно, если и дальше будет продолжаться та социально-экономическая стратегия, которой реализовалась в последние годы, то это состояние еще жестче закрепится. А это опасное состояние, потому что когда каждый третий житель в стране бедный — это слишком много для современного цивилизованного общества. Кроме того, процесс размывания среднего класса, который мы наблюдаем сегодня, свидетельствует о том, что позиции его еще слишком слабы, чтобы противостоять таким потрясениям, как системный банковский кризис и резкое падение цен на нефть с соответствующим падением доходов бюджета.

Литература

1. *Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой.* — М.: Весь Мир, 2014. — 304 с.

2. Заславская, Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. — М.: Дело, 2004. — 400 с.

3. Заславская, Т. И. Социология экономической жизни. Очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. — Новосибирск: Наука, 1991. — 448 с.

4. Заславская, Т. И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга / Т. И. Заславская // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1993. — № 2. — С. 3—10.

5. Одяков, С. В. Тенденции изменения качества и уровня жизни населения в Южноуральском регионе /

С. В. Одяков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2013. — Т. 13. — № 2. — С. 171—173.

6. Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. — М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. — 408 с.

7. Шкаратан, О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — 560 с.

Поступила в редакцию 12 августа 2015 г.

ОДЯКОВ Сергей Вячеславович, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). Сфера научных интересов: социальная стратификация и мобильность, социальные институты и организации, социология профессий. E-mail: sodyakov@list.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2015, vol. 15, no. 4, pp. 58—61**

DOI: 10.14529/hum150410

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE SOCIAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

S. V. Odyakov, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
sodyakov@list.ru.

The article discusses the methodological approaches to the study of the social structure of modern Russian society. Observing the factors of stratification of modern Russian society, the author outlines the main types of methodological approaches to the analysis of class structures: “single-stage” and “multi-stage” analysis. As one of the versions of “single-stage” analysis a model of stratification based on the criterion of standard of living is presented. The author comes to conclusion that even now, Russian society remains a society of “shifted down” social positions, and deprivation of the basic needs in varying degrees, affects a significant portion of the population.

Keywords: social structure, social inequality, stratification factors, class-based approaches, standard of living, deprivation, social strata/classes.

References

1. Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii [Poverty and the poor in modern Russia]. Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. — Moscow: Ves' Mir, 2014. — 304 p.

2. Zaslavskaja T.I. Sovremennoe rossijskoe obshhestvo. Social'nyj mehanizm transformacii [Modern Russian society. The social mechanism of transformation]. Moscow: Delo, 2004. — 400 p.

3. Zaslavskaja T.I., Ryvkina R.V. Sociologija jekonomicheskoj zhizni. Oчерки teorii [The sociology of economic life. Essays on the theory]. Novosibirsk: Nauka, 1991. — 448 p.

4. Zaslavskaja T.I. Transformacija rossijskogo obshhestva kak predmet monitoringa [Transformation of the Russian society as a subject of monitoring] *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: monitoring obshhestvennogo mnenija* [Economic and social changes: monitoring of public opinion]. 1993, No. 2, pp. 3—10.

5. Odyakov S.V. Tendencii izmenenija kachestva i urovnja zhizni nase-lenija v Juzhnoural'skom regione [Tendencies in the dynamics of standard of living and quality of life in the Chelyabinsk region] *Vestnik JuUrGU. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 2013, Vol. 13, No. 2, pp. 171—173.

6. Tihonova N.E. Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost' [The social structure of Russia: theory and reality]. — Moscow: Novyj hronograf: Institut sociologii RAN, 2014. — 408 p.

7. Shkaratan O.I. Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2009. — 560 p.

Received August 12, 2015